

Ошибка

Люди совершают ошибки, что и не удивительно — существо, которое ведет хоть какую-нибудь деятельность, рано или поздно в этой своей деятельности ошибется, а уж такая развитая особь, как человек... И ведь подмывает сказать «люди *иногда* совершают ошибки», но правильнее было бы — «*всегда*».

Словари объясняют ошибку как неправильность в действиях, поступках, высказываниях, мыслях. Люди же, в отличие от сухих справочных строк, чаще всего связывают свои просчеты с чем-то негативным, отрицательным, неловким.

А у моего товарища Максима Кириллова вышло не так: ошибке выпало стать одним из самых приятных событий в его жизни, навсегда оставивших лучшие воспоминания, хотя «неправильность в действиях, поступках, высказываниях, мыслях» однозначно имела место. Некоторые эпизоды той ошибки Макс до сих пор вспоминает с улыбкой, но, говоря откровенно, поступил он по-свински.

Дело было поздней осенью... неважно какого года в Москве, где Максим родился, прожил всю жизнь, обзавелся знакомствами, учился, питался и в меру своих сил работал на неприметной должности в заурядной фирме. Платили на неприметной должности хорошо, крыша над головой также имелась и не текла — в общем, на жизнь хватало вполне. На эту самую жизнь он и тратился, не имея высокой цели строить подмосковную усадьбу, обзаводиться дорогим автомобилем или приобретать именуемую «яхтой» большую моторную лодку для хождения по мутным водам местных рек.

Так вот, в один из ясных дней поздней осени того самого года дела заставили моего товарища изрядно помотаться по городу. На Садовом Кольце в троллейбус знаменитого маршрута «Б» вместе с ним села девушка. Села точно напротив Максима и, не обращая внимания на окружающий мир, забегала глазами по экрану электронной книги. Кириллов же, наоборот, поначалу все внимание уделял именно что происходившему вокруг. Но уже через некоторое время стал поглядывать на спутницу, а вскоре и вовсе смотрел только на нее. И за эти двадцать минут успел влюбиться. Что, впрочем, случилось с ним не так уж редко.

Пока троллейбус-«букашка» полз в сторону Смоленки, Макс отчаянно старался записать в памяти ее черные, чуть раскосые глаза, едва заметную улыбку с оттенком иронии (видимо, на экране был женский роман), осанку, прическу, красивые и ухоженные пальцы с парой простеньких колец на левой руке: множество деталей, которые будут с ним еще день, от силы два, а затем — он точно знал — сотрутся навсегда, уступив место другим, более или менее важным.

Максим доехал до нужной остановки, поднялся к выходу и напоследок еще раз посмотрел на девушку, которая продолжала сидеть, погруженная в сюжет неведомой книги,

и не обращала никакого внимания на то, что выходит за рамки «зоны комфорта» в общественном транспорте.

Вечер того дня выдался бурный. С небольшой компанией знакомых Кириллов успел что-то отметить в ресторане на «Октябрьском Поле», после чего с этой же компанией оказался где-то в районе «Белорусской», откуда вскоре умудрился попасть на квартиру других знакомых, и так оказался на «Новых Черемушках».

Здесь-то, по дороге к метро, его ждал неприятный сюрприз в виде легкого сотрясения мозга и отобранного смартфона. Как это бывает в подобных случаях, голова налилась тяжестью всей ситуации, и Максим стоял возле плохо окрашенной лавочки, согнувшись и не в силах прийти в вертикальное положение.

Проезжавший мимо патруль ППС заботливо погрузил страдальца на заднее сиденье и привез в отделение. К разочарованию местных, он уже пришел во вменяемое состояние и дал понять, что этим вечером является исключительно потерпевшим.

В строгой казенной комнате с Максом беседовал сотрудник в штатском. Он быстро задал несколько вопросов относительно пережитых событий.

— Заявление будете писать?

— Буду, — сказал Макс.

Сотрудник глубоко и устало вздохнул, предвкушая очередной «висяк». Дождался, пока будет написано заявление и спросил:

— Внешность описать сможете?

— Смогу, — и полицейский молча повел его в другой кабинет, где им занялась полноватая капитанша с компьютером. Голова еще не совсем прояснилась, но Максим понял, что будет помогать в составлении фоторобота.

Тут он и совершил самую непростительную, интересную и нестандартную ошибку всех времен и народов. До сих пор, вспоминая тот момент, он не может дать себе отчета, почему поступил так, а не иначе.

Следуя какому-то несуразному озарению, импульсу в сотые доли секунды, Кириллов начал методично описывать внешность девушки, которую так старательно запоминал в троллейбусе «Б» несколькими часами ранее!

Когда он закончил, капитанша спросила:

— Что ж ты, здоровый такой, а с бабой не справился?

В иной ситуации на подобный вопрос Максим сморозил бы что-то острое или хамское (о чем часто жалел), но тогда, видимо, сказывалась полученная травма, и он ответил, запинаясь:

— Так она, может, самбистка была... Или того хуже — под препаратом... Сами же знаете, как оно сейчас...

Капитанша хмыкнула, молча кивнула и вытащила из принтера теплый лист бумаги.

— Проверь, потерпевший.

В руках у Макса оказался портрет той самой девушки. Настолько точный, что и оригинал не дотягивал. По крайней мере, такое впечатление производил полученный «шедевр».

С того вечера в отделении прошло много дней. За это время Кириллова несколько раз вызывали на опознание преступницы. Все было как в детективном кино: кто-то из сотрудников проводил его в затемненное помещение, где за односторонним зеркалом можно было видеть нескольких девушек, из которых предстояло выбрать «подозреваемую».

Само собой, все они в той или иной мере подходили под описание, и каждый раз Максим сообщал, что никого не узнает. И каждый раз, чувствуя вину и мерзость своего поступка, спрашивал, как с ними обращаются, когда просят пройти в отделение на опознание.

— Предельно деликатно, — отвечали ему. Пару раз даже говорили, что среди невинно задержанных попадались и те, кого давно разыскивали за иные заслуги: клофелинщицы, мошенницы, воровки...

А на следующем опознании в очередной группе девушек за стеклом Кириллов увидел ее. И ведь забыл бы за эти месяцы, как она выглядит, но узнал сразу, ведь в свое время догадался выпросить у капитанши копию фоторобота под честное слово, что не будет вести розыск своими силами.

Не знаю, заметно ли было его волнение, но, стараясь поскорее закончить опознание, Макс торопливо и привычно сообщил, что никого не узнает. Завершив формальности, он пулей выскочил на улицу из надоевшего кирпичного здания отделения полиции, надеясь, что успел выйти раньше.

Подробности того момента герой запомнил плохо. Когда девушка появилась из дверей, он испытал огромную радость, которая тут же сменилась невероятным мандражом: казалось, что стекло с той стороны не было зеркальным, и она видела Максима в соседней комнате, а теперь злится на то, что по его милости пришлось посетить это не самое приятное заведение.

Тут Кириллов осознал, что она уходит, и надо догонять, иначе зачем вообще была эта позорная эпопея с фотороботом?

Он быстрым шагом пошел за той, кого так долго пытался найти. По счастью, с работы Максим взял черную кожаную папку и, когда девушка обернулась, она, по всей видимости, приняла его за сотрудника полиции. Хоть и с явным недовольством на лице, но остановилась, готовая выслушать.

— Простите, как вас зовут? — горе-пикапщик задал вопрос, который по-хорошему должен был прозвучать еще тогда, в троллейбусе.

— Марина.

— А меня Максим. Я увидел вас в отделении и решил познакомиться, — говорил Макс, вертя в руках папку, которую чертовски хотелось отшвырнуть в сугроб. — Если вы, конечно, не против.

До сих пор мой товарищ клянется, что впервые в жизни видел, как за пару секунд взгляд человека меняется с недовольного на удивленный, затем на любопытный, а потом на лукаво веселый. Кажется, еще секунду-другую Марина взвешивала «за» и «против», но в итоге сказала:

— Если вы настаиваете...

Весь оставшийся вечер они гуляли, загребая снег, который дворники не успевали убирать с тротуаров. Перешли на «ты». Пили глинтвейн на Кузнецком Мосту. Закрутили роман, полный рассказов о себе и своем детстве, встреч в шумных компаниях и тихих свиданий.

Как и многое в этой жизни, их отношения закончились.

По работе Кириллова отправили на год в Тверь. Марина наотрез отказалась пере-
езжать, на эту тему они крепко повздорили и решили, как часто говорят, «взять паузу»,
хотя оба понимали, что пауза затянется на неопределенный срок.

Ее решение Макс принял спокойно и никогда его не осуждал.

Он часто говорит, как безумно ему жаль тех отношений, но еще больше жалеет о
том, что уже никогда не совершит подобной ошибки.

30.03.2015